

Вера Викторовна Камша
Данник Небельринга
Серия «Кесари и боги», книга 2

*Текст книги предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159833
Камша В. В. Кесари и боги. Избранные произведения: Эксмо; М.; 2008
ISBN 978-5-699-25278-7*

Аннотация

Красивая, захватывающая баллада о любви, проклятии, замаскированном под щедрый дар, и чувстве долга.

Повесть «Данник Небельринга» тематически связана с романом «К вящей славе человеческой» и вместе с ним составляет цикл «Кесари и боги».

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Вера КАМША

ДАННИК НЕБЕЛЬРИНГА

*У песни ночной
Есть непроглядные дали
И небо с черной луной.*
Ф.Г. Лорка

Бог с тобою, брат мой волк...
М. Цветаева

Глава 1

1

Армия должна быть готова до конца октября, – раздельно произнес Рудольф Ротбарт, – и она будет готова.

– Ваше высочество, – маршал фон Эрце выглядел озадаченным, – это... Это невозможно.

– Я знаю лишь две невозможные вещи, – ухмыльнулся Рудольф, – это конец света и моя женитьба. Послезавтра я навещу вас в лагере, и мы обсудим подробности, а теперь можете идти.

Старый вояка поклонился и вышел, принц-регент Миттельрайха бросил на зеленое сукно мелок и вскочил, едва не опрокинув массивный стул.

– Руди, – покачал головой граф фон Цигенгоф, среди друзей более известный как Цигенбок, – ты загонишь старика в гроб и не заметишь.

– Ты преувеличиваешь, – не согласился принц-регент, роясь в бюро. – Я всегда замечаю, когда загоняю кого-то в гроб. Более того, я делаю это обдуманно. Смерть фон Эрце мне никоим образом не нужна, так что наш добрый маршал переживет многих и многих.

– И кого именно? – Цигенбок зевнул и затряс головой. – Прости, не выспался.

– Я еще не уверен, – пожал плечами Рудольф, – но ты все узнаешь из первых рук. Как дальний родич и ближайший друг Людвига.

– Как близкий друг Людвига я бы с наслаждением свернул тебе шею, – сообщил Цигенбок. – Императору нет и шести, его мать годится только на то, чтобы сидеть в башне и шить шелками, Эрце стар, а у меня в башке – ветер. Если с тобой что-нибудь случится, Миттельрайху конец, а ты скачешь, как мартовский кот. Да-да, это я про твою новую пассию. Как бишь ее?

– А тебе-то зачем? – засмеялся Рудольф. – Главное, я ей доволен.

– Дочь суконщика. – Клаус Цигенгоф выпятил и без того мясистую губу. – Пойми меня правильно, я не против горожанок, если они мяконикие... Но за каким дьяволом ты таскаешься к ней через весь город?! Если тебе неможется, возьми девку к себе. Наскучит, выдашь замуж.

– Замуж я ее так и так выдам, – уведомил Рудольф, – к весне. Не тащить же бедняжку на войну, на юге наверняка найдется что-нибудь повкуснее.

– Ты мне зубы не заговаривай, – огрызнулся Цигенбок. – На носу – война, а принц-регент в одиночку навещает любовницу. Об этом даже вороны знают, чего уж говорить о лоасских шпионах. Один выстрел – и все.

– Не суди обо всех по себе. – Рудольф сунул под мышку пару свитков и захлопнул бюро. – Лоассцы отродясь не умели стрелять.

– Если тебя зарежут, тебе будет легче? – спросил Цигенгоф. – Мне – нет!

Руди шмякнул бумаги на стол и смахнул с рукава прилипшую соринку:

– Жаль, ты не суверен, иначе б знал, что я доживу до семидесяти семи лет, разобью всех врагов и отпущу на свободу самого дьявола.

– Ты его уже отпустил, – фыркнул Клаус, – вернее, распустил. Рыжий Дьявол, это ведь про тебя. Меня не слушаешь, Лемке спроси. Он тоже места себе не находит. Нет, как друг Людвиг я просто обязан тебе сказать...

– Ты просто обязан мне сказать, – перебил Рудольф, – закончили чинить Банный мост или нет.

– Закончили, – буркнул Цигенбок, – я сегодня его проезжал. Слушай, давай я с тобой поеду. Надену маску и поеду, а то как бы чего не вышло. Готье Лоасский, чтоб от тебя избавиться, душу дьяволу продаст. На пару с Папой.

– Испугал лиса петухами, – хмыкнул его высочество. – Всем известно, что у Готье нет души, а дьявола я еще не отпускал.

– Руди...

– Успокойся, Цигенбок, ты сделал все, что мог. Если меня убьют, твоя совесть будет чиста, а теперь пошел вон, мне надо работать... Черт бы побрал эти счета, и как только Людвиг с ними разбирался?!

2

Сиреневые ирисы были готовы, оставались незабудки. Белые незабудки, такие, как в Линденвальде, где она впервые увидела Людвиг... Вдовствующая императрица воткнула иглу в пальцы и закусил губу, унимая бесполезные слезы. Шестой год без Людвиг, а сколько их еще предстоит, этих лет.

Милику с детства пугали слабым здоровьем. Ее мать умерла родами, пытаясь дать мужу наследника, мальчик не прожил и недели. Через два года отец был вынужден жениться. Новая графиня привезла лекаря-латинянина, объявившего графу, что его старшая дочь не перенесет беременности и лучшее, что она может сделать, это посвятить себя Господу. Так бы и случилось, если б в Линденвальде не завернул Людвиг Ротбарт. Медноволосый красавец едва взглянул на поднесшую ему вино девушку, а для нее все было кончено раз и навсегда.

Отец жаловался мачехе, что император был задумчив и недоволен. Графиня хмурила темные брови и молчала, а через месяц прискакал гонец: его величество приказывал Хорсту Линденвальде прибыть в Витте вместе с дочерью, захватив подвенечное платье. Они въехали в столицу дождливым летним утром. Вечером юная графиня узнала, КТО просит ее руки. Отец был честным человеком, он рассказал сюзерену о здоровье дочери. В ответ император засмеялся – дескать, имея такого брата, как Руди, о наследниках можно не тревожиться.

Они обвенчались и были счастливы, несмотря на ненависть свекрови и ее дам. Людвиг щадил жену, но она его обманула. Мики родился назло дурным пророчествам и лекарским причитаниям.

Император подержал сына на руках и уехал, чтобы не вернуться. Легкая простуда сначала не казалась опасной, а потом стало поздно... Она должна была умереть, Рудольф тысячу раз мог погибнуть на своих войнах, но Господь забрал Людвиг, оставив ей Мики и боль.

Милика Ротбарт подозвала сына, и тот подбежал, такой же рыжий, как и отец. Все Ротбарты рождались красноволосыми, кто темней, кто светлее. Волосы императриц Миттельрайха – черные, русые, золотистые – без следа сгорали в этом неистовом пламени. Сыновья Михаэля тоже будут рыжими...

Вдова прижала Мики к себе, и тот недовольно завозился, ему хотелось играть. Сейчас подойдет Гизела и ледяным голосом скажет, что его величество должен пить молоко. Или придумает что-нибудь еще, только бы оторвать принца от матери. Рудольф советует прогнать ведьму, но это сочтут оскорблением памяти свекрови? Вот если бы Руди сделал это сам. Он принц-регент, ему никто не смеет перечить.

– С тебя следует писать Матерь Божию. – Клаус фон Цигенгоф бросил к ногам Милики охапку золотистых роз. – С тебя и с Мики.

– О нет! – Женщина подвинулась, освобождая место другу Людвига. – пытки... Страшная смерть... Какая мать пожелает сыну такую судьбу?

– Быть императором тоже не весело. Ой, прости, – Цигенгоф смутился, – я имел в виду... То есть не имел в виду ничего такого. Вы так прелестно выглядите в этом саду.

– Ты слишком снисходителен. – Императрица поцеловала выкручивающегося сына в лоб и отпустила. – Какие чудесные розы.

– Это новый сорт. Садовник назвал их «Императрица Милика».

– Мое имя не приносит счастья, – покачала головой вдова, – не стоит его повторять.

– В этом мире нет имени прекрасней, – возразил Цигенгоф, – я готов отвечать за свои слова жизнью и душой, но я принес не только розы. Милика, мне нужно с тобой поговорить.

– Что-то случилось? – Женщина отодвинула пальцы, те упали в цветочный ворох. Цигенгоф их поднял и положил на скамью.

– Нет, но может. Я бы не посмел говорить с тобой о подобных вещах, но речь идет о Рудольфе.

– Руди? – переспросила императрица. – Что с ним? Я его видела позавчера, он привез Мики ручную белку и был такой веселый.

– Он и сейчас весел, – буркнул Клаус, – я бы даже сказал – слишком. Руди завел себе новую любовницу. Дочь суконщика.

– Ну и что? – В голубых глазах ее величества не было ни возмущения, ни любопытства. – Если он ее любит...

– Руди ничего не любит, кроме войны, – махнул рукой Цигенгоф. – Я не стал бы говорить тебе о его делишках, не ездит этот осел к своей красотке в одиночку. Достаточно одной засады, и... Поговори с ним, он должен одуматься. Ради Мики.

– Ты прав, – вдовствующая императрица встала, нечаянно наступив на золотой цветок, – я еду в Витте. Немедленно... Клаус, может быть, мне сделать эту женщину своей фрейлиной?

– Фрейлиной? – пробормотал Цигенгоф. – Горожанку?

– Она может быть кем угодно. – Личико Милики стало решительным. – Лишь бы с Руди все было в порядке. Ну почему ты сказал мне только сегодня?

– Ну... Мне Лемке сказал только вчера. Я пытался Руди образумить, но он и слушать меня не захотел.

– Клаус, – в голубых глазах плеснулось отчаянье, – я сегодня видела во сне волка. Огромного красного волка. Он уходил по ущелью вверх, в туман, и за ним тянулся кровавый след. Что-то случится... Мы должны остановить Руди! Мы успеем?

– Надеюсь, – кивнул Цигенбок, – если ты поторопишься.

3

Когда Рудольф оттолкнул осточертевшие бумаги, почти стемнело. Принц-регент потянулся, разминая затекшее тело, и дважды позвонил. С дневными делами было покончено, оставались дела ночные и неотложные.

Слуги внесли свечи и поднос с легким ужином. Следом, стуча когтями по мраморному полу, вошла старая охотничья собака. Днем дорога в кабинет была ей заказана, но вечер снимает дневные запреты.

– Пусть седлают Нагеля, – распорядился регент Миттельрайха, наливая вина. – Брауне, сидеть!

Собака села и была немедленно вознаграждена за послушание. В человеческую жизнь вмещается четыре или пять собачьих, но Брауне пережила Людвига. Брату было тридцать три, столько же, сколько ему сейчас. Проклятье...

– Ваше высочество едет один? – В бесстрастном голосе слуги чувствовалась надоевшая уже тревога.

– Разумеется.

Лакей поклонился и вышел. Рудольф Ротбарт прополоскал рот вином, выплеснул остальное в камин и упал в кресло у огня, время от времени пощипывая розовый виноград. Мясо и хлеб достались Брауне, несказанно довольной подобным поворотом дел. Если ты собираешься спать, можешь наесться до отвала, если идешь к даме или к врагу, оставайся голодным. Глупее храпящего в постели только мертвец.

Покончив с виноградом, регент поднялся и, насвистывая, исчез за скрытой расписной ширмой дверцей. Будущие войны и недостроенные дороги ждали. Так же как и разговор с Георгом фон Лемке, с которого станет запеть ту же песню, что и Цигенбок. И с тем же успехом.

Латиняне говорят: ничего не предпринимай, не обдумав, а предприняв – не раскаивайся. Обдумывать Руди терпеть не мог. Разумеется, если речь не шла о его возлюбленной армии.

Рыжий Дьявол был создан для войны, а мир тащил на себе Людвиг. Старший брат возился с налогами и договорами, младший жил в свое удовольствие, зная не зная о государственной мерзости. После смерти Людвига Руди безропотно впрягся в имперскую колымагу, утешаясь тем, что могло бы быть и хуже и он хотя бы не коронован.

Тридцатитрехлетний принц-регент весьма успешно уворачивался от того, что было ему без надобности. В частности, от трона и супруги. В этом он удался в своего прародителя: Вольфганг Ротбарт так и не женился, передав собранную по кусочкам империю в руки самого толкового из своих бесчисленных бастардов.

Льстецы предрекали Рудольфу Ротбарту, что он затмит славу Вольфганга. То же самое они обещали и Людвигу, и, разумеется, ввали. Рыжий Дьявол был о своей персоне довольно-таки высокого мнения, но не настолько, чтоб полагаться на предсказания.

Его высочество натянул темное платье военного образца, зарядил пистолеты и вернулся в кабинет. Слуга убирал остатки ужина, Брауне спала и даже слегка похрапывала.

– Хорошее вино, – Руди кивнул на пустой кувшин, – завтра подадите такое же. Нагель готов?

– Да, ваше высочество. Прибыл граф фон Лемке.

Лемке... Друг детства, боевой товарищ, непревзойденный командир авангарда, а случись что, и арьергарда. На Георга можно положиться во всем. Или почти во всем, но сегодня он будет мешать.

– Я уехал. – Руди хмуро взглянул на лакея. – УЖЕ уехал. Проводите графа сюда и проследите, чтоб он ни в чем не нуждался. Захочет уйти – задержите.

– Хорошо, ваше высочество.

Половина обитателей дворца предпочла бы звать Рудольфа Ротбарта «ваше величество». Другая половина спала и видела, как Рыжий Дьявол окажется в преисподней. Что до принца-регента, то он не собирался идти на поводу ни у первых, ни у вторых. Малолетний император и его словно сошедшая со старинного гобелена мать, к вящему удовольствию Руди, были живы и здоровы. Умирать сам Рыжий Дьявол тем более не собирался, а в полнолуние меньше, чем когда бы то ни было. Он, в конце концов, волчье отродье или кто?

Его высочество потрепал по башке разнежившуюся Брауне, засмеялся и вышел из кабинета, напоследок лихо хлопнув дверью.

Глава 2

1

Луна была огромной, грязно-рыжей и не круглой, а вытянутой, словно яйцо, сваренное в луковой шелухе. Луна была страшной, и Милика торопливо задернула занавески кареты, поймав презрительный взгляд графини Шерце. Надо послушать Руди и убрать всех, кого к ней приставила свекровь, а эту ведьму – первой.

Императрица не сомневалась, что старуха ее ненавидит. Ее и, что особенно пугало, Мики. Насколько добры были к ней с сыном Руди и Клаус, настолько тяжело приходилось с матерью Людвига и ее приближенными. Когда прошлой зимой свекровь отдала душу Господу, Милика расплакалась. Не от горя – от облегчения.

Вдовствующая императрица прикрыла глаза и откинулась на набитые конским волосом дорожные подушки. Раньше она не боялась полнолуния, это пришло с беременностью. Пришло и осталось, хотя должно было исчезнуть вместе с тошнотой и непонятым отворачиванием к золоту, хлебу и вину. Наверное, это потому, что Людвиг умер, когда на небе висела такая же луна. Милика почувствовала его смерть, хотя узнала только через неделю. От Руди.

Сколько раз она проживала тот осенний вечер, сколько раз открывалась дверь и на пороге появлялся деверь. Сжатые губы, непривычно короткие завитки над бледным лбом, глаза, из которых исчезла всегдашняя смешинка...

Руди еще ничего не сказал, а она уже вцепилась в черный бархат, глядя в бездонные зрачки брата Людвига. Он мог надеть траур по любому из родичей и друзей, но Милика знала: умер Людвиг. Не сейчас, а в ту проклятую ночь, когда ее душила нависшая над Витте луна.

– Когда? – можно подумать, она не знает.

– Двадцать восьмого... Ночью.

Она выпустила его руки и, шатаясь, отступила к окну. Придворные дамы что-то забормотали, и Руди велел всем выйти вон. Потом деверь дотащил ее до кресла, она послушно села, послушно выпила вина...

– Он не проснулся, – сказал Руди, – уснул и не проснулся. Врачи говорили, что он почти здоров, а болезнь вернулась. Так бывает...

Милика кивала, чувствуя, как в груди зарождается хриплый, звериный вой. Еще немного, и он бы вырвался наружу, но дверь вновь распахнулась. Вбежала свекровь и с ней та женищина, на которой Людвиг не женился.

– Тварь, – так они кричали, – подлая тварь! Это ты виновата!

Мать Людвига кинулась к ней – высокая, сильная, с желтым лицом и длинными белыми пальцами. Униженные кольцами руки тянулись к шее, но Милика не могла даже шевельнуться, беспомощно глядя в лицо приближающейся ненависти. А потом между ними оказался деверь. Странно, она помнила все, кроме слов: безумные глаза свекрови, медный затылок Руди, длинное лицо ТОЙ женищины, метнувшуюся в окне птицу. Рудольф схватил мать за руки и выволок из спальни. Куда делась ее спутница, Милика не заметила.

Брат Людвига вернулся, сел на ковре у ног вдовы брата. Они молчали, пока не стемнело, потом Руди произнес, разглядывая собственные руки:

– Я – принц-регент Миттельрайха. Людвиг завещал мне свою любовь и ваши с Михаэлем жизни. Вы будете жить, даже если мне придется их убить...

Он говорил о собственной матери и еще о ком-то. Милика это поняла, но ничего не ответила. Руди походил на Людвига, и от этого было еще больнее. Она почти ненавидела деверя за то, что он жив, а Людвиг мертв.

Молчание прервала носатая статс-дама, принесшая соболезнования от императрицы-матери.

– Императрица-мать перед вами, – рявкнул Рудольф, – запомните это, если желаете остаться в Витте. И напомните ее величеству Марии-Августе, что во время церемоний впереди идут вдовствующая императрица и принц-регент, а прочие члены фамилии – потом.

Носатая дама, имя которой Милика запомнила, покраснела, сделала книксен и торопливо вышла.

– Тебе тоже следует помнить, кто ты, – велел Руди, – даже когда ты одна. Моя мать – всего лишь бабушка императора. Она ничего не решает. Ты поняла?

Она поняла, но это ничего не меняло. Иволге не спорить с ястребом, да и зачем? Следующий раз она увидела свекровь на похоронах, когда Руди вел ее к гробу. Когда они шли мимо, свекровь что-то прошипела, но Милике было все равно. Она не видела ничего, кроме окованного бронзой ящика, в котором лежал Людвиг.

Принц-регент поддерживал вдову, а Клаус Цигенгоф нес нового императора. Стонал орган, пахло ладаном, но она не думала даже о Мики. На выходе из церкви она споткнулась, и Рудольф ее удержал. Деверь ни на секунду не выпустил ее локтя, если б не он, вдовствующая императрица упала, отстала, заблудилась, умерла, и это было бы к лучшему.

Карету трянуло, Милику швырнуло вперед, и она едва не ткнулась лицом в колени сидевшей напротив статс-дамы. Неуверенно захныкал проснувшийся Мики. Вдовствующая императрица отшатнулась от пахнущего утюгом атласа и схватила прильнувшего к ней сына. Карета стояла, осев на правый бок, слышались приглушенные мужские голоса, затем дверца распахнулась и показался раздосадованный Цигенгоф:

– Ваше величество, – при придворных волчицах Клаус не позволял себе никаких фамильярностей, – к моему глубокому сожалению, мы не можем продолжать путешествие. Карета сломана, починить ее без помощи мастера невозможно. К счастью, мы только что проехали Альтенкирхе. Без сомнения, мы найдем там приют.

– В этом нет нужды, – разлепила губы статс-дама, – Вольфзее гораздо ближе. Кормилица его величества Людвига будет счастлива принять под своей кровлей его величество Михаэля.

Кормилица Людвига... Милика слышала, что старуха живет неподалеку от Витте, хотя никогда ее не видела. Что она думает о браке своего молочного сына? Кормилицу наверняка выбирала свекровь.

– Я боюсь, это не слишком удобно. – Вдова старалась говорить спокойно, хотя страх обволакивал ее, словно ползущий от болот туман. – Лучше вернуться в Альтенкирхе.

– Но зачем? – Руди бы ее понял, а Цигенгоф – нет. – Смотрите, какой туман. И у нас нет дамского седла.

– Берта пользовалась полным доверием ее величества, – ледяным тоном произнесла графиня Оттилия Шерце, – это поместье – награда за ее заслуги.

Когда статс-дамы говорили о покойной императрице, то произносили слова «ее величество» особенным голосом. Совсем не таким, когда речь заходила о ней самой. Милика с мольбой посмотрела на Цигенгофа, но тот завел старую песню о дамском седле и тумане. Этикет, этикет, этикет! Все они заложники кем-то придуманных правил, ненужных, непонятных, нелепых.

Милика подобрала юбки и, стараясь не глядеть на луну, повернулась к статс-даме:

– Хорошо, графиня. Мы ночуем в Вольфзее.

2

Двадцать два года назад разбогатевший суконщик Готлиб Гельбоузе выстроил дом на углу площади Святой Урсулы и Льяного переулка, соединявшего площадь с оживленной Суконной улицей. Спустя три года у почтенного негоцианта родилась дочь Гудрун, а еще через одиннадцать лет молния сожгла дом жившего в Льяном переулке кондитера.

Хозяева погибли под рухнувшей крышей. Развалины кое-как растащили, но желающих строиться на пожарище не нашлось. Огороженный глухими стенами соседних домов пустырь зарос бурьяном, став местом сборища окрестных котов. Люди гоняли хвостатых миннезингеров, но те всякий раз возвращались. Впрочем, пустырь посещали не только коты: в воскресные дни здесь частенько отсыпались хватившие лишку подмастерья, а однажды в крапиве нашли задушенную девушку.

Об убийстве судачили целый год, а следующей весной на площадь Святой Урсулы зачистил принц-регент. Летом о новой игрушке Рыжего Дьявола говорила вся столица. Горожане завидовали Гудрун и гадали, удержит красotka в своей постели Ротбарта до осени или нет. Удержала. Принц-регент с завидным постоянством навещался к прелестной суконнице, радуя своим видом то обитателей улицы Святой Урсулы, то Игольной, то Льяного переулка. Именно там его и ждали.

Пятеро вооруженных до зубов мужчин притаились в кустах возмнившего себя сиренью репейника, напряженно ловя каждый звук. Они стояли так тихо, что почуять неладное могла разве что собака, но собаки, отлавя свое, успокоились и затихли.

Было полнолуние, и блеклый свет заливал чистенькую мостовую и аккуратные дома с ухоженными садами. Почтенные обыватели давно отошли ко сну: ставни закрыты, калитки заперты. В жарких спальнях пахло лавандой и ромашкой, негоцианты и ремесленники добропорядочно обнимали животы своих супругов, в детских сопели малыши, видели десятый сон слуги. Бодрствовали разве что девицы на выданье и те, кто предпочитал спать днем, а ночью – работать. Такие, как Макс Цангер и его приятели.

На краю пустыря что-то хрустнуло. Цангер махнул рукой, и толстый Фери двинулся на шум. В ответ раздался лихой кошачий вопль, Цангер пожал плечами. Он другого и не ожидал, но тот, кого они караулили, задерживался. Макс слегка раздвинул пожухлый репейник, уставившись в жерло переулка. На колокольне Святой Урсулы отзвонили половину двенадцатого, по Суконной прохромал, гремя колотушкой, ночной сторож, и все стихло.

В такую ночь да по булыжной мостовой всадника заслышишь издали, да какое там всадника, любого прохожего, хоть в кованых сапогах, хоть в деревянных башмаках. Рудольф ездит к своей красотке открыто, ничего не опасаясь. Глупец, как и большинство вояк! Вообще, что дома им ничего не грозит, вот и кончают свои дни в придорожных канавах.

Цангер пожевал губами и сплюнул в колючий куст. Он не имел ничего против принца-регента, но он был на службе, а хозяину Рыжий Дьявол мешал. Он многим мешал... Макс любовно погладил кинжал с петухом на клинке. Когда его найдут, решат, что принца-регента убили лоассцы. С ними так и так воевать, так почему бы не спрятать концы в чужую воду? Она, черт возьми, достаточно глубока.

3

Побледневшая луна по-прежнему висела над крышей, но Милика ее больше не видела, и страх уснул. Вернее, уснул непонятный животный ужас, вытеснивший из головы императрицы все мысли и желания, кроме единственного – укрыться от круглого, безжалостного

глаза. Зато теперь мысли вернулись. О Руди. Они попадут в Витте только завтра, а вдруг беда случится сегодня?

Будь они одни, Милика бы выплеснула свои опасения на Цигенгофа, но в присутствии графини Шерце и Берты говорить о любовнице Рудольфа было невозможно. Мать Божья, ну почему хорошие мысли всегда опаздывают? Что ей стоило отправить кого-то из охраны в Витте. Она могла написать, что им с Мики нужна помощь, Руди не поехал бы на свидание, а примчался сюда, к ним. При нем Берта не посмела бы так смотреть на Мики.

Милика украдкой глянула на огромные часы черного дерева, но хозяйка перехватила ее взгляд и сообщила, что это подарок ее величества. У Берты была одна императрица – покойная Мария-Августа. Над камином висел ее портрет, и Милика села к нему спиной. Заметила ли это хозяйка? По суровому бледному лицу было не понять. Даже странно, что эта женщина когда-то прижимала к груди ребенка.

Михаэля выкормила веселая молодая крестьянка, которую привез Руди. Иногда Милика спрашивала себя, уж не была ли Герда одной из бесчисленных подружек деверя? Если и так, то она ничем этого не обнаруживала. Год назад Герда отпросилась в гости к матери и не вернулась. Кормилица Мики была уже не нужна, но приехавшая свекровь привезла внуку няню Гизелу. Милика скрепя сердце ее приняла, хотя Михаэль долго плакал и жаловался. Потом сын замолчал, но она чувствовала – обиделся. Надо отослать Гизелу домой и попросить Руди найти воспитателя-мужчину. Мики весной исполнится шесть, так что пора.

Михаэль, словно подслушав ее мысли, завозился во сне и больно сжал руку, но она только улыбнулась. Берта хотела взять императора на руки, но Мики раскапризничался, и Милика под недобрый взгляд двух старух заявила, что сын останется с ней. Михаэль сразу успокоился и уснул, а им с Цигенгофом пришлось ждать, когда двое слуг под руководством молочной сестры Людвига приготовят комнаты.

Вдовствующая императрица сидела у огня и слушала о добрых старых временах. Конечно, можно было и не слушать, но вдова не хотела обижать кормилицу Людвига. И обидела, спросив о Рудольфе. Старуха поджала губы, буркнув, что принца-регента выкормила другая женщина, имя которой она, Берта, запомнила. Милика ей не поверила, но промолчала. Обычно, когда речь шла о Людвиге, она глотала каждое слово, но рассказ кормилицы вызывал единственное желание – заткнуть уши и бежать. Наверное, потому что Берта все время вспоминала свекровь.

Милика смотрела в огонь, иногда поднося к губам бокал белого вина. Если б она оставила Мики в замке и поехала верхом, они бы уже были в Витте, но императрице-матери не пристало разъезжать в компании одних только мужчин, пусть и в сопровождении родственника. Нужна карета и хотя бы одна придворная дама. Господи, ну почему Руди не женится? Его жена, будь она хоть трижды суконщицей, стала бы ее подругой, а Руди избавил бы их обоих от старых мегер.

– Ваше величество, – дочь Берты, имя которой Милика не расслышала, присела в реверансе, – ваши комнаты готовы.

– Благодарю. – Милика наклонилась над пригревшимся сыном, не решаясь его разбудить.

– Мой муж отнесет его величество. – Какая милая женщина и как не похожа на мать.

– Муж дочери – лесничий Небельринга, – хмуро произнесла Берта, – он очень силен.

Милика покорно кивнула и отодвинулась, позволяя кормилице Людвига поцеловать его сына. Увы, его величество не собирался допускать до своей персоны чужаков. Мики испустил дикий вопль и вцепился в материнскую юбку. Милика выронила бокал, золотистое вино выплеснулось на толстый темно-красный ковер, спасший тонкий хрусталь. Цигенгоф, бормоча что-то об умных мальчиках, попробовал разжать пальцы ребенка, не тут-то было!

Мики то рыдал, то принимался кричать, что ненавидит этот дом и не хочет здесь оставаться. Таким Милика сына еще не видела. Цигенгоф тоже выглядел оторопевшим, а Михаэль продолжал бушевать. Теперь он требовал сжечь Вольфзее и ехать к Рудольфу. Вдова не знала, что делать, но тут появился высокий темноволосый человек с роскошным роговым свистком, живо заинтересовавшим его величество. Незнакомец, надо полагать – зять Берты, без колебаний протянул сокровище императору, и тот сменил гнев на милость. Милика перевела дух и улыбнулась хозяевам:

– Мы благодарны за гостеприимство, но сейчас мы бы хотели подняться в свои комнаты.

Глава 3

1

Застоявшемуся Нагелю не терпелось перейти с шага хотя бы на рысь, но Рудольф сдерживал жеребца, хоть и вполне разделял его чувства. Упрятанные в горские торбы копыта превращали коня в крадущуюся кошку – толстый войлок исправно глушил звуки. Не слышать привычного цоканья подков было странно и неприятно, но скрытность требовала жертв.

Волк верхом на кошке... Нужно обязательно рассказать об этом Мики, сорванец будет хохотать и спрашивать, что дальше. А дальше добыча будет ловить охотника, такое тоже бывает. Где же его ждут? И кто? Если убийца тот, о ком не хочется даже думать, его караулят сегодня. Пустырь в Льянном переулке прямо-таки создан для засады, если не считать калитки, ведущей на задворки соседнего дома. Три ночи на троих врагов, а место – одно, и его не миновать, разве что ждать в кровати Гудрун.

Если б Руди Ротбарта спросили, как убить принца-регента, он бы посоветовал надеть маску, забраться в окно к суконщику, хорошенько его припугнуть и дожидаться гостя. Забавно, если убийца так и поступит. Что ж, в таком случае убивать мерзавца не стоит, вдруг понадобится. У хорошего правителя должен быть хороший убийца, иначе приходится все делать самому. Он вовремя не озаботился, вот теперь и отдувается.

Из-за острых крыш медленно и важно поднималась луна, и Руди помахал ей рукой. Луна была его старой приятельницей и сообщницей, недаром она украшала герб Ротбартов. Луна и коронованный красный волк. В полнолуние Ротбартам везет, потому-то он и начал игру сегодня. Руди мечтал, чтобы за его шкурой охотились лоассцы или паписты, полагавшие (и не без основания) Ротбартов безбожниками. Третье имя Рыжий Дьявол с радостью бы позабыл, не будь подобная забывчивость непозволительной роскошью. У регента на шее Милика с Мики, и он, в конце концов, отвечает за этот чертов Миттельрайх, тут ворон не половишь!

Нагель поравнялся с Челночным переулком и собрался и дальше следовать знакомой дорогой, но Руди завернул жеребца. Два дня назад обитавший в Челночном причетник за десяток талеров вручил смуглому чернобородому дворянину ключи от ворот, пояснив, что калитка на пустырь запирается на засов, который будет смазан. Вот было бы смеху, если б в щедром провинциале узнали принца-регента...

Дом причетника был шестым от угла. Руди дернул повод, и Нагель остановился у чистеньких ворот. Хозяин обещал навестить замужнюю дочь, и Рудольф не имел основания ему не верить. Отпереть ворота и завести коня во двор было делом пары минут. Нагель будет стоять тихо, на него можно положиться, вот на других...

Принц-регент сбросил плащ и шляпу, следом отправились парик и фальшивая борода – убивать нужно со своим лицом. Если его ждут не сегодня, а завтра или послезавтра, он пожертвует на храм сотню талеров и не станет есть мяса по пятницам. Не есть мяса... Дьявольщина, да он пить год не будет, только бы враги остались врагами, а друзья – друзьями!

Луна уже поднялась над домами, она была удивительно, бесстыдно яркой. Рудольф подмигнул разбушевавшемуся светилу и, легко ступая, направился к калитке. Причетник не просто смазал петли, он выкосил разросшуюся траву, молодец! Руди осторожно приоткрыл и не подумавшую скрипнуть дверцу: в засыхающих зарослях виднелось несколько силуэтов.

Четверо? Нет, пятеро! Вот и ответ, Руди Ротбарт. Засады в спальне Гудрун не будет, как и жертвы на церковь. Будут смерти на пустыре, ну да ладно! Рудольф присел на корточки,

наблюдая за ждущими его убийцами. Пятерка настороженно вглядывалась в ночную тьму. Стояли хорошо, сразу видно, что люди опытные, не какой-нибудь сброд. И все равно люди не кошки, долго не выдержат – самый никчемный обязательно полезет к вожаку с расспросами, иначе просто не может быть. Вожак в ответ рявкнет, и станет ясно, кого оставить напоследок.

Колокол мерно отбил полночь. Голубчики наверняка волнуются – добыча всегда проходит Льяным в одиннадцать. Что ж, подождем, спешить некуда, все уже ясно, осталось утолить рвущую сердце ярость.

Ну почему, почему, почему предают те, кого любишь? Что ты им сделал или, наоборот, не сделал? Когда ошибся, не заметил, просчитался, ушел в сторону? Предательства, как цыплята, вылупляются не из каждого яйца и не сразу. Их еще надо высидеть и выкормить, вот он и высидел. Сам виноват. И все же почему?! Этого псы не скажут, даже выверни их наизнанку, это знает только хозяин...

Дьявольщина, хорошо, хоть ждать пришлось недолго. Забавно, самое короткое терпение оказалось у самого длинного. Переминается с ноги на ногу, тербит оружие. Он еще и левша. Левша в драке не подарок, особенно левша нетерпеливый. Извини, приятель, но тебе объясняться с райским привратником первым. Тысяча чертей, но кто же у них за главного?

2

Мария-Августа не поскупилась. Спальня была роскошной, не хуже, чем в императорском дворце, но от дубовых панелей и красного бархата Милике стало не по себе. Еще хуже были гобелены с красными волками. Похожие на огромных длинноногих лисиц звери загоняли и терзали оленей и ланей, а в небе висела ржавая луна. Такая же, как сегодня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.